

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 070:93/94

DOI: 10.17223/26188422/5/6

Л. П. Громова

А. И. ГЕРЦЕН: СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

В статье рассматриваются актуальные вопросы социально-политической жизни России, которые А. И. Герцен-публицист ставил и разрешал в XIX в. и которые сегодня вернулись в повестку дня и вновь волнуют общество. Вслед за публицистом мы размышляем об ответственности выбора между революциями и реформами, социализмом и капитализмом, о централизации власти и развитии местного самоуправления, о консолидации общества и конструктивном диалоге с властью, о свободе слова и общественных ожиданиях, о взаимоотношениях Запада и России.

Ключевые слова: А. И. Герцен-публицист, революция, реформы, свобода слова, Запад, Россия, консолидация.

Проблемы современной жизни часто возвращает нас к канувшим в Лету явлениям и событиям как к непознанным и непонятым урокам. Опыт А. И. Герцена-публициста, стремившегося верно определить ход исторического движения России в мировом развитии, его поиски механизмов и способов разрешения общественно-политических проблем вновь оказываются актуальными в сегодняшней повестке дня, в новых социально-политических условиях. И мы вновь задумываемся, насколько точны были его прогнозы и с какими обстоятельствами связаны его заблуждения?

У каждого из нас свое прочтение Герцена. Но и у каждого времени свое прочтение и понимание значимости исторических фигур, их опыта, стремление проанализировать, чем они интересны для новых поколений. По словам Е. Л. Рудницкой, поставленный в XX в. В. И. Лениным во второй ряд революционеров-демократов как «колебавшийся между либерализмом и демократизмом», Герцен долгое время в советской историографии нес бремя «рецидива либеральных колебаний» [1. С. 61–62], несмотря на ленинское же оправдание, что все же «демократ брал в нем верх» [2. С. 259]. Сегодня мы имеем

возможность, отрешившись от идеологически однозначных клише, внимательно вчитаться в его публицистику, попытаться осмыслить его оценки происходившего, услышать его предостережения, понимая, что «глубоко человеческая натура Герцена вмещала разные оттенки мыслей, несмотря на наши представления об их несовместимости» [3. С. 76]. Вслед за публицистом мы вновь размышляем об ответственности выбора между революциями и реформами, социализмом и капитализмом, о централизации власти и развитии местного самоуправления, о консолидации общества и конструктивном диалоге с властью, о свободе слова и общественных ожиданиях.

Герцен хорошо чувствовал время и стремился соответствовать его запросам. Журнальная пропаганда, по его убеждению, должна опережать развитие общества, но не слишком далеко уходить вперед: «Быть по плечу своему хору, уяснить его собственные стремления, его смутные мысли, ставить силлогизмы его посылок, ставить точки над его i. Если мы уйдем от него далеко, он не пойдет за нами, если уклонимся, он оставит, если отстанем, он задавит или обойдет нас». Главное, считает публицист, «уловить ближайшие идеалы, сегодняшние стремления, сомнения масс» [4. Т. XVIII. С. 262].

Глубоким пониманием исторических процессов объясняется эволюция его взглядов от западничества к идее «русского социализма», его способность к изменению тактики в соответствии с запросами времени, его поиски единомышленников и «попутчиков» во имя консолидации российского общества. Стремление Герцена к мирному разрешению общественных противоречий проявилось в его желании объединить всех русских, независимо от взглядов и политических позиций, на страницах своих изданий, представлявших в середине XIX в. все спектры общественных настроений: демократов, либералов-западников, славянофилов, консерваторов, движимых одной идеей – освобождения крестьян от крепостного состояния, слова – от цензуры.

Предреформенный период был уникальным в истории России, когда консолидировались все общественные силы во имя общей цели, и роль бесцензурных герценовских изданий в ту пору трудно переоценить. Его «Вольная» пресса являлась катализатором событий, трибуной для выражения общественного мнения, давала возможность высказаться «согласным» и «несогласным», единомышленникам и оппонентам, сторонникам и противникам. Одним из уникальных опытов

его издательского «холдинга» стали сборники «Голоса из России» (1856–1860), которые Герцен создает как свободную трибуну дискуссий, как орган плюрализма мнений. И это был не единственный проект в его журналистской деятельности: он своевременно стремился определить целевую аудиторию для своей пропаганды, создавая приложения к «Колоколу» «Под суд!» (1859–1862) – для обличительных материалов, издание для народа «Общее вече» (1862–1864), французский «Kolokol» (1868), чтобы ознакомить европейского читателя с Россией, как это было прежде, в начале его эмигрантской жизни.

Ключевой проблемой, занимавшей Герцена в течение всей его публицистической деятельности, был выбор между революцией и реформой. 1 марта 1860 г. в «Колоколе» было помещено «Письмо из провинции» за подписью «Русский человек». Кто был его автором, неоднократно пытались определить историки общественной мысли и русской журналистики [5]. Существуют две основные гипотезы. По первой, высказанной М. К. Лемке, автором письма является Н. Г. Чернышевский. М. В. Нечкина высказала предположение, что письмо было написано Н. А. Добролюбовым. Существуют и другие мнения. И все же, несмотря на аргументацию в пользу той или иной точки зрения, вопрос об авторстве до сих пор открыт. Несомненно, автором был человек из круга «Современника». Письмо это стало продолжением полемики, разгоревшейся между «Современником» и «Колоколом». Автор упрекал Герцена за недостаточный радикализм, за стремление к мирному решению крестьянского вопроса, за то, что «Колокол» «переменил тон», что он должен «благовестить, не к молению, а звонить в набат», «звать Русь к топору» [6].

В приписке значилось: «Один из друзей ваших». Герцен в редакционном предисловии к письму подчеркнул: «Мы расходимся с вами не в идее, а в средствах; не в началах, а в образе действия. Вы представляете одно из крайних выражений нашего направления» [Там же. С. 531]. Публицист категорически отверг призывы к «топору», «пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора» [Там же]. Он помнил трагический опыт 1848 г.: «Июньская кровь взошла у меня в мозг и нервы, – писал Герцен, – я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности» [Там же. С. 533]. Не видя этой крайности в политической обстановке начала 1860-х гг., публицист не принял предложения своего оппонента изменить направление «Колокола».

В полемике с «Русским человеком» Герценом была поставлена принципиально важная для него проблема: реформа или революция, которая пройдет через его публицистику последующих лет как главная дилемма в выборе пути решения крестьянского вопроса. Еще в статье «Революция в России» (1857) публицист со всей определенностью заявил: «Мы <...> от души предпочитаем путь мирного, человеческого развития пути развития кровавого; но с тем вместе так же искренно предпочитаем самое бурное и необузданное развитие – застою николаевского *statu quo*» [4. Т. XIII. С. 22]. Через год, в сентябре 1858 г., он вернулся к этой мысли: «Мы не любители восстаний и революции ради революции, и мы думаем – и эта мысль нас радовала, – что Россия могла бы сделать свои первые шаги к свободе и справедливости без насилия и ружейных выстрелов» [Там же. С. 340]. Возможность мирной «самодержавной революции» связывалась Герценом с надеждами на царя, на исторические традиции верховной власти, действия которой со времен Петра I в значительной мере определялись волей правительства и образованного дворянства.

В ответ «Русскому человеку», считавшему, что в России нет реальной силы, способной руководить движением, но тем не менее требовавшему у издателей «Колокола» звать «к топору», Герцен ответил: «Где же у нас та среда, которую надобно вырубать топором? Неверие в собственные силы – вот наша беда, и что всего замечательнее, неверие это равно в правительстве, дворянстве и народе». Он признает, что «дело освобождения застряло», что «правительство идет, поворачивая ноги носками внутрь», но все же отвергает призыв к неорганизованному выступлению. Кроме того, публицист считает невозможным и безнравственным «звать к топорам» из Лондона.

Пolemика с «Русским человеком» была лишь началом. Впереди были споры с «Молодой Россией», с М. А. Бакуниным, где вновь встали проблемы выбора между реформой и революцией, готовности к революции, революционной нравственности и гуманизма. Экстремизм тайных организаций был неприемлем для Герцена. На выход прокламации «Молодая Россия» (1862) публицист откликнулся статьей «Молодая и старая Россия», в которой, отвечая на упрек авторов, что издатели «Колокола» потеряли «веру в насильственные перевороты», Герцен писал: «Не веру в них мы потеряли, а любовь к ним». Он называет «Молодую Россию» двойной ошибкой: «Во-первых, она вовсе не русская; это одна из вариаций на тему западного социализма,

метафизика французской революции <...> Вторая ошибка – ее неуместность: случайность совпадения с пожарами усугубила ее» [4. Т. XVI. С. 203]. У России, подчеркивает Герцен, свой путь развития, а потому «говорить чужими образами, звать чужим кличем – это непонимание ни дела, ни народа, это неуважение ни к нему, ни к народу» [Там же. С. 204].

Теория «русского социализма» Герцена приобретала определенность. Он предлагает многовариантность развития в зависимости от конкретных исторических условий. Эти размышления нашли отражение в цикле писем «Концы и начала» (1862), адресованных И. С. Тургеневу и явившихся продолжением дискуссий об исторических судьбах Западной Европы и России, которые начались с друзьями-западниками еще после революции 1848 г. Как верно замечает исследователь И. А. Желвакова, «спор о буржуазии, переросший тогда, на удивление друзей-западников, в демарш Герцена против “больной” Европы, затягивается надолго» [7. С. 478]. По мнению Герцена, буржуазная Европа дописала последнюю страницу своей истории. Европейским «концам» он противопоставляет русские «начала», которые видит в сельской общине и в освободительных традициях русского народа. Причем, говоря о путях развития движения, он уточняет, что «общий план развития допускает бесконечное число вариаций непредвиденных» [4. Т. XVI. С. 196]. Это были поиски своих «начал», основывающиеся на своеобразии исторического пути России, которой, по мнению Герцена, не к лицу только из-за стремления причислить себя к европейской семье «проделывать старые глупости на новый лад» [Там же. С. 197]. Он пишет, что если представители старых европейских народов, перенесенные на новую американскую почву, смогли создать новый народ, то почему «народ, самобытно развившийся при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады?» [Там же. С. 198]. «Народ русский, – продолжает Герцен, – <...> должен <...> развить что-нибудь свое под влиянием былого и заимствованного, соседнего примера и своего угла отражения» [Там же. С. 197].

Одной из таких идей, продолжавшей курс реформ в России и ставшей программным вопросом «Колокола», к тому времени была идея Земского собора. Идею бессловного Земского собора, деятельности земских учреждений, местного самоуправления Герцен рассматривал как одну из форм демократизации общественной жизни на

пути мирного развития и активно обсуждал ее на страницах «Колокола». По его мнению, которое он впоследствии сформулирует кратко и емко: «Разные времена требуют разных оружий» [4. Т. XXX. С. 53], – события в России требовали серьезной перестройки работы издательства. Новая полоса реформ внесла значительное оживление в русскую общественную жизнь 1864–1865 гг. Подготовка к выборам земских гласных, первые земские собрания и введение новых судебных установлений – все это всколыхнуло не только крупные центры, но и глухую провинцию.

Введение земских учреждений руководители «Колокола» рассматривают как естественную ступень к Земскому собору. Предполагая иметь в земских деятелях свою читательскую и корреспондентскую среду, «Колокол» уделяет земским учреждениям, идее бессословного Земского собора много внимания. Более трети номеров «Колокола» затрагивают тот или иной вопрос, важный с точки зрения интересов земства, или же дают критику существующего положения земских дел на местах.

Значение той роли, которая отводится в «Колоколе» земству, раскрывается в одном из примечаний «От издателей», предваряющем статью о беспорядках и грабежах на Николаевской железной дороге: «От петербургского правительства ждать нечего, и потому такие материалы не для него. Мы думаем, что они нужны нашему земству, от которого так заботливо утаивают мысль об истинном положении дел в России. Мы готовы печатать их, уверенные, что их обнародование поможет русскому земству» (1866. 1 апр.).

«Колокол» внимательно следит за ходом первых земских собраний, отмечая главным образом те условия, в которые попали гласные из крестьян. Остроумно сопоставляя ряд местных «Губернских ведомостей», газета показывает, как эти официальные органы стараются представить крестьян «оторопелыми, непонимающими» (1865. 1 апр.), а факты, приводимые тут же, это опровергают. Горячо реагирует «Колокол» и на слухи о правительственных проектах сократить деятельность земских учреждений: «Чиновники испугались первых проявлений живого духа в земских собраниях и конспирируют в своих канцеляриях против земства... Правительство само вызовет и подготовит почву для насильственного переворота» (1866. 15 февр.).

Герцен вновь, как и в предреформенные годы, обращается к царю с советом изменить курс политики правительства, призывает прекра-

тить преследования за убеждения. Исторический опыт позволял ему несколько иначе, чем перед реформой, судить о сути самодержавия в России: оно «может много вредить, но в самом деле остановить движение, которого оно испугалось и которое уносит весь материк к другим судьбам, не может» [4. Т. XIX. С. 198]. Крестьянская реформа, по его мнению, «при всей своей сбивчивой неполноте тотчас повела к экономическим, административным, юридическим последствиям своим введением земских учреждений, нового суда и пр.» [Там же. С. 195]. Публицист полагал, что Александр II мог бы многое сделать на пути реформ, но вместе с тем он понимал, что нельзя ждать от царя чуда, чтобы он, «заснув за чтением “Что делать?” или “Колокола”, проснулся бы с рьяным желанием отдать землю народу и начать в Зимнем дворце женские и мужские мастерские» [Там же. С. 181]. Протестуя против казней в связи с покушением В. Д. Каракозова на царя, Герцен писал: «Вы кругом обмануты, и нет честного человека, который бы смел вам сказать правду <...> Вас уверяют, что несчастный, стрелявший в вас, был орудием огромного заговора, но ни большого, ни малого заговора вовсе не было; то, что они называют заговором, – это возбужденная мысль России, это развязанный язык ее, это умственное движение» [Там же. С. 81].

Реального политического смысла это обращение не имело. Возможно, что подтекстом этого письма была мысль, дважды повторенная в статье «Порядок торжествует!», о перевороте «без кровавых средств». Таким образом, считая «переворот без кровавых средств» прекрасным идеалом, Герцен признает и возможность другого, – революционного пути, но при условии готовности народных масс. К этой дилемме – революционный или эволюционный путь развития – он будет возвращаться в течение всей жизни, корректируя и развивая свою теорию «русского социализма».

В женеvский период издания «Колокола» необходимый контакт с читателем в России так и не был налажен. «Что враги наши пошли по другой дороге и захватили с собой девять десятых друзей, это мы знаем и видим, – писал публицист в статье «К концу года» (1865). – Но долго ли за ними пойдет читающий русский люд – этого мы не знаем и не видим, а ведь мы пишем только для него» [Там же. Т. XVIII. С. 452].

Положение в России усугубилось после покушения на царя. Русские либералы, напуганные выстрелом Каракозова, определенно приняли сторону правительства. Герцен также резко осудил покушение:

«Выстрел 4 апреля был нам не по душе, – писал он в статье «Иркутск и Петербург (5 марта и 4 апреля 1866)». – Мы ждали от него бедствий, нас возмущала ответственность, которую на себя брал какой-то фанатик. Только у диких и дряхлых народов история пробивается убийствами» [4. Т. XIX. С. 58]. Это выступление стало еще одним поводом для упреков со стороны Бакунина и «молодых эмигрантов» в отступничестве Герцена.

Спрос на «Колокол» продолжал падать. Внешние причины – усилившиеся преследования заграничной печати и трудности ее распространения – не были главными. И в то время были читатели, которые умели обойти эти препятствия и даже в российской провинции могли доставать, распространять и хранить издания Герцена. Но теперь их остались единицы, в лучшем случае десятки вместо сотен прежних лет. Особенно наглядным показателем сокращения связей «Колокола» с Россией было само содержание газеты. Документальные материалы еще поступали из России, статьи и письма – гораздо реже, и почти совсем не стало корреспонденции. В результате самый живой прежде раздел «Смесь» изменяет свой характер: не имея оригинальной информации от своих читателей-корреспондентов, Герцен использует материалы русской легальной прессы, а иногда и прессы иностранной.

В начале наступившего нового 1867 г. Герцен еще полагал, что «“Колокол” надобно поддерживать как знамя» [Там же. Т. XXIX. С. 10]. В конце февраля он с грустью сообщает Огареву: «Русские говорят, что в Петербурге и Москве решительно никто “Колокола” не читает и что его вовсе нет; что прежде разные книгопродавцы sous main хоть продавали, а теперь пожимают плечами и говорят: “Никто не требует”» [Там же. С. 49]. В июле 1867 г. «Колоколу» исполнилось десять лет. «Десять лет! – писали издатели в статье «1857–1867». – Мы их выдержали, и, главное, выдержали пять последних, они были тяжелы. Теперь мы хотим перевести дух, отереть пот, собрать свежие силы и для этого приостановиться на полгода» (1867. 1 июля). Однако предположение прекратить издание лишь на полгода не оправдалось. Условия общественной жизни России за это время не изменились к лучшему, и издание «Колокола» на русском языке не возобновилось, да и не могло возобновиться, по мнению читателей из России. Так, в письме от 5/17 сентября 1857 г. В. Р. Зотов писал Герцену: «Здесь вообще думают, что оный не возобновится и последние номера его за

нынешний год не могли – скажу откровенно – возбудить к нему расположения, давно угасшего в публике» [8. С. 142].

Возникший в годы общественного подъема в России и опиравшийся на сотни читателей-корреспондентов, в момент спада демократического движения, лишенный непосредственной связи с родиной, «Колокол» не смог уже продолжать прежнее существование. Понимая это и не желая замолчать вовсе, Герцен планирует издавать «Колокол» для Европы. В письме Огареву 19 сентября 1867 г. он пишет: «...что же “Колокол” издавать по-французски – или нет? Русский бесполезен» [4. Т. XXIX. С. 202].

Французский «Колокол» мыслился как продолжение русского издания с «Русским прибавлением». «Меняя язык, газета наша остается той же и по направлению и по цели», – сообщал Герцен в ее первом номере от 1 января 1868 г. Объясняя причины, побудившие предпринять печатание на чужом языке, он писал далее о том, что наступило время познакомиться с Россией «до того как завяжется весьма вероятная борьба, которую пытаются искусственно вызвать и которая помешает всякому беспристрастию и приостановит всякое изучение» [Там же. Т. XX. С. 8].

Издавая французский «Колокол» в новых исторических условиях, с новым уровнем знания и понимания исторического развития, Герцен, чтобы подготовить европейского читателя к восприятию современного положения в России, кратко повторил написанное им о России, в концептуальной форме изложил свой взгляд на Россию и Запад, а затем развил эти мысли применительно к современности [9. С. 15]. «Ничего нового мы сказать не собираемся», – так начиналась статья «Prolegomena», напечатанная в первом номере газеты. Однако в этом издании тема России и Запада звучала по-новому. В условиях, когда в ряде европейских держав, а особенно во Франции, широко велась антирусская кампания, Герцен считал своим долгом говорить от имени страны и русского народа. Он начал с определения места России в мире: «...мы – часть света между Америкой и Европой, и этого для нас достаточно» [4. Т. XX. С. 54]. Говоря о своеобразии русского народа, Герцен писал: «Мы довольны тем, что в наших жилах течет финская и монгольская кровь; это ставит нас в родственные, братские отношения с теми расами-париями, о которых человеколюбивая демократия Европы не может упомянуть без презрения и оскорблений» [Там же. С. 53].

Внеся коррективы в свои представления о западном мире, Герцен обратился к историческим особенностям русского народного быта, к проблеме изменения положения крестьянской общины в связи с освобождением крестьянства от крепостного права. При этом особое внимание он уделил вопросам самоуправления, которые возникли как следствие прошедших буржуазных преобразований в России, особенно земской реформы 1864 г.

Но недостаточная осведомленность о положении дел в России, возможность судить о них в основном по русской легальной прессе, объясняющаяся отсутствием прежних источников живой информации из писем, корреспонденции и от посетителей, привели Герцена к некоторой узости и односторонности представлений о событиях в России. Естественно, что русская либеральная пресса (с 1866 г. наиболее радикальные демократические журналы «Современник» и «Русское слово» были закрыты), ратовавшая за продолжение реформы, выражала лишь одну точку зрения общества. Но именно она по преимуществу и была доступна в это время публицисту, внимательно следившему за событиями в России. Вероятно, поэтому Герцен получил несколько иллюзорные представления о появившейся возможности мирного прогрессивного развития страны. «Итак, – заключал он статью «Prolegomena», – остается созыв “великого собора”, представительства без различия классов – единственное средство для определения действительных нужд народа и положения, в котором мы находимся» [4. Т. XX. С. 78]. В своей теории «русского социализма» Герцен приходит к необходимости созыва Учредительного собрания. И вновь, рассматривая альтернативное развитие событий, предпочтение отдает мирной модели – «без потрясения, без переворота – террора и ужаса – без потоков крови» [Там же. С. 79].

В статье «Prolegomena» он последовательно показывает западному читателю, как прорастали в России ростки демократического движения, какую роль сыграло в этом русское правительство и русская печать. Причем, несмотря на расхождение с бывшими друзьями, отдает должное единству усилий печати всех направлений в деле освобождения крестьян: «Все политические и литературные оттенки, все школы – скептические и мистические, социалистические и панславистские, лондонская пропаганда и петербургские и московские газеты – соединились в общем деле для защиты права крестьянина на землю» [Там же. С. 74]. Это время консолидации общественных сил и рос-

сийской прессы публицист считал самым плодотворным в подготовке и проведении реформ.

Знакомству Запада с Россией способствовали опубликованные во французском «Колоколе» «Исторические очерки о героях 1825 г. и их предшественниках, по их воспоминаниям», которые печатались в шести номерах газеты. Той же цели служили главы «Былого и дум», статьи по польскому вопросу, теоретические обоснования Герценом и Огаревым русского общинного социализма.

Французский «Колокол» был недолговечен. Однако, как показал исследователь А. А. Роот, он выполнил свою задачу напомнить западному читателю о России [10]. Всего вышло пятнадцать номеров газеты и семь «Русских прибавлений». Для последнего номера Герцен подготовил «Письмо к Огареву», в котором объяснял читателю невозможность дальнейшего издания. «Без постоянных корреспонденций с родины, – говорилось в нем, – газета, издающаяся за границей, невозможна, она теряет связь с текущей жизнью, превращается в молитвенник эмигрантов, в непрерывные жалобы, в затяжное рыдание» [4. Т. XX. С. 399]. И как ни горько было признать, он подытожил: «Год тому назад я предполагал, что французское издание сможет заменить русский “Колокол”; то была ошибка» [Там же. С. 402].

Ошибкой было, полагает Герцен, «рассказывать нашим соседям историю наших могил и наших колыбелей», тем более, как оказалось, «это их не слишком-то сильно интересует» [Там же]. Что же касается русского читателя, то, по мнению публициста, «молодое поколение движется своим путем, <...> оно достигло совершеннолетия», поэтому больше не нуждается в наставлении. «Прекращение издания “Колокола”, – продолжает Герцен, – вызовет ликование среди наших врагов». Но при этом подчеркивает: «Радость противников наших, *не состоящих на жалованье*, не будет однако столь полной <...> к их радости примешаны будут и капли горечи». Таким образом, делает вывод Герцен, они покидают «журналистское поприще, никем не побежденные, никем не опереженные» [Там же. С. 401].

В письме к французскому историку и публицисту Э. Кине, объясняя причину прекращения газеты, Герцен писал: «Не ожесточение наших врагов заставило нас решиться заткнуть рот нашему Колоколу, а безразличие наших друзей, отсутствие всякой нравственной поддержки» [Там же. Т. XXX. С. 11]. Это отсутствие аудитории отражало, по мнению публициста, внутренний процесс развития русской

жизни, вступившей в полосу «продолжительной инкубации», ускорение которой было бы противоестественным.

Герцен до конца своей жизни верил во «внутреннюю силу» русского народа, о которой писал ещё в 1849 г. в статье «Россия» – в своем первом обращении к западноевропейскому читателю: «Эта сила, независимо от внешних событий и вопреки им, сохранила русский народ и поддерживала его несокрушимую веру в себя. Для какой цели?.. Это-то нам и покажет время» [4. Т. VI. С. 200]. Предположение, высказанное тогда публицистом, во многом оказалось пророческим: «Возможно, что Россия, вследствие невыносимого гнета, распадется на множество частей; возможно также, что она просто ринется вперед и, полная нетерпения, стряхнет со своей могучей спины неловких всадников. Все это принадлежит будущему, а я не мастер в искусстве прорицания» [Там же. С. 220].

Литература

1. Рудницкая Е. Л. Русская революционная мысль: Демократическая печать. 1864–1873. М., 1984.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. М., 1968.
3. Пирумова Н. М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
4. Герцен А. И. Собр. соч. : в 30 т. М., 1954–1965.
5. Алексеев В. А. К вопросу об авторе письма «Русского человека» к Герцену // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1955. № 200. С. 70–78.
6. Письмо из провинции // Колокол. 1860. № 64. С. 534–535.
7. Желвакова И. Герцен. М. : Молодая гвардия, 2010.
8. В. Р. Зотов – Герцену // Лит. наследство. М., 1955. Т. 62.
9. Рот А. А. «Колокол» возрожденный. 1868–1869. Казань, 1989.
10. Рот А. А. Герцен и традиции Вольной русской прессы. Казань, 2007.

Alexander Herzen: Timely Ideas

Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies. 2019. 5. pp. 76–89.

Ludmila P. Gromova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gromova_spb@mail.ru
DOI: 10.17223/26188422/5/6

Keywords: Herzen the publicist, revolutions, reforms, freedom of speech, West, Russia, consolidation.

The article deals with topical issues of the socio-political life of Russia which Herzen the publicist raised and resolved in the 19th century and which today are back on the agenda in society. Following Herzen, the author of the article again reflects on the responsibility of choosing between revolutions and reforms, socialism and capitalism, on the centralization of power and the development of local self-government, on the consolidation of society and constructive dialogue with the authorities, on freedom of speech and public expectations, on the relationship between the West and Russia.

The evolution of Herzen's views from Westernism to the idea of "Russian socialism" is explained by a deep understanding of historical processes. Herzen's desire for a peaceful resolution of social contradictions was manifested in an attempt to unite all Russians, regardless of their views and political positions, on the pages of his emigrant editions. These editions of the middle of the 19th century represented all ranges of social views: Democrats, liberal Westerners, Slavophiles, conservatives. They were driven by the same ideas of peasants' liberation from serfdom and the word's liberation from censorship.

One of the unique experiences of his publishing holding was *Voices from Russia* (1856–1860), which Herzen created as a free platform for discussions, as an organ of opinion pluralism. And it was not the only project in his journalistic activity. A supplement to the *Kolokol* newspaper *Pod Sud!* (1859–1862) was created for incriminating publications; *Obshchee Veche* (1862–1864) was published for people, the French *Kolokol* (1868) was created to acquaint the European reader with Russia.

The key problem that Herzen was concerned with throughout his journalistic activity was the choice between revolution and reform. Herzen associated the possibility of a peaceful "autocratic revolution" with hopes for the tsar, for the historical traditions of the supreme power, whose actions since the time of Peter the Great were largely determined by the will of the government and the educated nobility.

According to Herzen, the bourgeois Europe finished the last page of its history. He contrasts the European "ends" with the Russian "beginnings", which he sees in the rural community and in the liberation traditions of the Russian people. Moreover, speaking about the ways of the movement, he clarifies that "the general plan of development allows an infinite number of variations unforeseen". *Kolokol*, which appeared during the years of social upsurge in Russia and relied on hundreds of readers-correspondents, could not continue its former existence. This was influenced by the decline of the democratic movement, and the lack of direct connection with the homeland. Understanding this and refusing to be silent at all, Herzen plans to publish *Kolokol* in French for Europe.

However, in the European *Kolokol*, the theme of Russia and the West sounded in a new way. When different European powers, especially France, carried out a big anti-Russian campaign, Herzen considered it his duty to speak on behalf of the country and the Russian people. In the article "Prolegomena", he shows the Western reader how the sprouts of the democratic movement grew in Russia, what role the Russian government and the Russian press played in this. He pays tribute to the unity of the press of all political directions in the liberation of peasants. Herzen thought it was a time of consolidating social forces, and the Russian press was the most productive in the preparation and implementation of reforms.

References

1. Rudnitskaya, E.L. (1984) *Russkaya revolyutsionnaya mysl': Demokraticeskaya pechat'. 1864–1873* [The Russian revolutionary thought: the Democratic press. 1864–1873]. Moscow: Nauka.
2. Lenin, V.I. (1968) *Poln. sobr. soch.* [Complete Works]. Vol. 21. Moscow: Politicheskaya literatura.
3. Pirumova, N.M. (1989) *Aleksandr Gertsen – revolyutsioner, myslitel', chelovek* [Alexander Herzen: a revolutionary, a thinker, a person]. Moscow: Mysl'.
4. Herzen, A.I. (1954–1965) *Sobr. soch. v 30 t.* [Collected Works in 30 Vols]. Moscow: Nauka.
5. Alekseev, V.A. (1955) K voprosu ob avtore pis'ma “Russkogo cheloveka” k Gertsenu [On the author of the letter from a “Russian man” to Herzen]. *Uchen. zap. Leningr. un-ta*. 200. pp. 70–78.
6. Kolokol. (1860) Pis'mo iz provintsii [A letter from a province]. *Kolokol*. 64. pp. 534–535.
7. Zhelvakova, I. (2010) *Gertsen* [Herzen]. Moscow: Molodaya gvardiya.
8. Zotov, V.R. (1955) V.R. Zotov – Gertsenu [From V.R. Zotov to Herzen]. In: Vinogradov, V.V. (ed.) *Lit. nasledstvo* [Literary Heritage]. Vol. 62. Moscow: USSR AS.
9. Root, A.A. (1989) “*Kolokol*” *vozhrozhdenyy. 1868–1869* [“Kolokol” revived. 1868–1869]. Kazan: Kazan State University.
10. Root, A.A. (2007) *Gertsen i traditsii Vol'noy russkoy pressy* [Herzen and the traditions of the Free Russian Press]. Kazan: Kazan State University.